

Российский Дальний Восток

Деятельность пограничных органов по охране биологических ресурсов морей Дальнего Востока

© 2011

И. Гантимуров

В статье освещается деятельность пограничных органов России по защите национальных интересов в ее дальневосточных морских акваториях. Особое внимание уделяется противодействию иностранному браконьерству в целях обеспечения функционирования рыбохозяйственного комплекса страны.

Ключевые слова: морские пограничники, охрана биологических ресурсов, Дальний Восток, браконьерский промысел биоресурсов, 200-мильная морская экономическая зона.

Начавшийся в конце 2008 г. мировой финансовый кризис привел к переоценке стоимости основных ресурсов, необходимых для жизнедеятельности и развития человечества, и, соответственно, к усилению роли государственного и международного регулирования пользования ими. На фоне снижения цен на невозобновляемые ископаемые ресурсы стабилизировалась, а во многих странах возросла стоимость возобновляемых (прежде всего, биологических) пищевых ресурсов морей и океанов. Прогноз роста населения Земли, низкое самовосстановление ресурсной базы, рост затрат на добычу сырья, увеличивающийся дефицит экологически чистого продовольствия белкового происхождения означает, что стоимость рыбы и морепродуктов в перспективе будет возрастать. В сложившихся условиях актуально — исследовать деятельность России в дальневосточных морских пространствах по обеспечению своих национальных интересов.

Моря Северной Пацифики, прилегающие к дальневосточному побережью России, обладают 40% общемировых ресурсов гидробионитов; возобновляемый объем рыбы и морепродуктов экономической зоны России оценивается в 26 млн. т¹. В условиях развала рыбной отрасли, из-за которого РФ лишена возможности в полной мере осуществлять самостоятельный вылов в экономической зоне, борьба за обладание этими ресурсами усиливается. Принятие в 2008 г. парламентом Японии Закона «О специальных мерах, способствующих решению проблем северных территорий», игнорирующего основные положения международного права, явилось первой ласточкой дестабилизации установившегося порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Последовавшие действия Японии, в т.ч. инцидент 30 января 2010 г., когда два японских рыболовных судна, произ-

Гантимуров Игорь Павлович, преподаватель кафедры Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск. Тел. 8(924) 201–61–58. E-mail: sanchd69@mail.ru.

водившие лов в районе о. Кунашир, не реагировали на сигналы пограничников и даже на предупреждающую стрельбу, представляют собой серьезный вызов, поскольку МИД Японии в ответе на российскую ноту протеста утверждал, что японские промысловики якобы действовали «в рамках законодательства».

Борьба за морские пространства в Тихоокеанском регионе и, соответственно, (за их ресурсы), развернулась во второй половине XX в., когда многие государства начали устанавливать в одностороннем порядке свой суверенитет на 200-мильные морские зоны, прилегающие к их берегам. В условиях отсутствия международно-правовой регламентации этой деятельности об установлении рыболовных (экономических) зон в 1977 г. заявили США, Япония и КНДР. Советский Союз (обладавший самым большим морским и океаническим рыболовным флотом), предвидя вытеснение своих экспедиционных промысловых судов из Мирового океана, также был вынужден принять соответствующие шаги. С 1 марта 1977 г. были введены сначала временные, а с 1 марта 1984 г. — постоянные меры, предусматривающие право регулировать использование ресурсов 200-мильных прибрежных морских районов².

По ходатайству Министерства рыбного хозяйства, невооруженные суда которого не справлялись с задачами контроля за иностранным промысловым флотом, к охране ресурсов прибрежных советских вод были привлечены пограничные войска КГБ СССР, т.е. эта деятельность была приравнена к обеспечению безопасности государства³. 25 февраля 1977 г. Совет Министров СССР определил права погранвойск и органов рыбоохраны в отношении иностранных рыболовных судов. Им предоставлялось право останавливать и осматривать суда; проверять документы и производить осмотр груза и помещений; задерживать суда, нарушающие правила промысла, и доставлять их в один из открытых портов СССР; применять меры административной ответственности и направлять документы для привлечения виновных к ответственности по суду⁴. Для организации слаженности действий всех заинтересованных министерств и ведомств 6 апреля 1977 г. был подписан совместный приказ, утвердивший «Инструкцию о взаимоотношениях и взаимодействии пограничных войск и органов рыбоохраны с силами и средствами Минобороны, Минморфлота, Министерства гражданской авиации и Минрыбхоза при охране рыбных и других живых ресурсов в морских районах, прилегающих к побережью СССР»⁵.

Командование Тихоокеанского погранокруга (начальник войск — генерал-лейтенант В.И. Константинов, начальник морского отдела — контр-адмирал И.А. Шкодин) организовало контроль за иностранным промыслом в тесном взаимодействии с органами рыбоохраны, распределив имеющиеся силы и средства в пяти районах, соответствующих районам ответственности дальневосточных бассейновых управлений рыбоохраны. Организация охраны биологических ресурсов в каждом из районов была возложена на командиров соединений пограничных кораблей, дислоцирующихся в Находке, Невельске, Корсакове, поселке Малокурильское и Петропавловске-Камчатском.

Начавшееся патрулирование с применением пограничной авиации и кораблей в районах, разрешенных для промысла, привело к противодействию со стороны японских рыбаков. Капитаны промысловых судов заявляли, что ведут лов в своей зоне, и предъявляли разрешения на промысел, выданные японскими властями. Им разъясняли принадлежность Курильских островов и предупреждали о недопустимости нарушения законодательства СССР, однако инциденты продолжались. Промысловые суда опасно маневрировали, создавая аварийные ситуации, грозившие столкновением, выбрасывали по курсу приближающегося сторожевого корабля сети, что могло привести к наматыванию их на винты и потере хода корабля. Постепенно силовые действия советских кораблей заставили промысловиков подчиниться требованиям пограничников.

Для координации действий всех сил, осуществлявших контроль за иностранным рыболовством, в ноябре 1977 г. были сформированы Центральный и окружные опера-

тивные штабы. Решениями этих штабов 2–4 раза в год, обобщался опыт охраны живых ресурсов, вырабатывались предложения по ее совершенствованию⁶. Итоги деятельности по охране экономической зоны, обобщавшиеся ежегодно центральным оперативным штабом, показали, что действия пограничных кораблей значительно усилили контроль промысла. Если в 1977 г. кораблями Тихоокеанского пограничного округа было проверено 393 иностранных промысловых судна, из которых 31 оштрафовано за нарушение правил промысла на 165 тыс. руб. и 2 задержаны, то в 1988 г. в результате совместных действий Дальневосточных бассейновых управлений и пограничных войск Камчатского и Тихоокеанского пограничных округов было осуществлено 3785 проверок, вскрыто 250 нарушений, совершенных судами Японии и КНДР, в т.ч. 217 — в экономической зоне и 33 — в Тихом океане на контроле лососевых. Сумма наложенных штрафов и возмещения ущерба составила 1,29 млн руб.⁷

С 1986 г. возникла проблема работы в запретном районе судов третьих стран, в т.ч. тайваньских. Судами Камчатрыбвода отмечалась работа дрейфтерных радиобуев, обнаруживались сети, аналогичные тем, что имелись у тайваньских судов. Часть таких сетей выбиралась рыбоохранными судами. В конце 1986 г. главный инспектор Японии Такэмото передал Камчатрыбводу информацию, что в данном районе работало до 50 тайваньских судов⁸. В 1988 г. пограничным кораблем, выделенным для оказания содействия органам рыбоохраны, по наводке погрансамолета были задержаны суда Тайваня «Ицзи», «Чанг Дар № 1», «Шэнь Фэнь № 11», производившие незаконный промысел лососевых (анадромных) видов за пределами экономической зоны СССР в запретном районе, и японское судно «Кинтоми-Мару № 5»⁹.

Принятие действенных, порой жестких мер пограничниками приводило к тому, что нарушители, боясь ответственности, шли на всяческие ухищрения: заходили в морские районы СССР, как правило, в темное время суток или в тумане, закрывали фанерными щитами, брезентом или сетями бортовые и регистрационные номера и другие опознавательные знаки, устанавливали на судах ложные надстройки из фанеры с целью изменить их силуэт, а иногда даже топили свои суда, как это, к примеру, произошло 20 августа 1978 г., когда экипаж промыслового судна КНДР № 506 затопил его у причала порта г. Находка, не желая выплачивать штраф, наложенный судом.

Действия пограничников позволили отстоять экономическую политику государства, обеспечить регулирование промысла в экономзоне СССР, создав возможность практически беспрепятственной работы советскому рыболовному флоту, ограничив иностранный промысел. Добыча рыбных ресурсов в СССР была поставлена на промышленную основу. В 1988 г. вылов советским флотом по Дальневосточному бассейну стал максимальным, составив 4965 тыс. т, (в 1960 г. — 861 тыс. т, в 1975 г. — 3599 тыс. т). Это позволило существенно улучшить рацион питания населения, который стал составлять 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов в среднем по стране на душу населения в год (в 1960 г. — 9,9 кг, а в 1970 г. — 12,6 кг)¹⁰. При этом душевое потребление морепродуктов в среднем по СССР составляло только 69,5% от душевого потребления рыбной продукции в Норвегии и 57% от душевого потребления рыбной продукции в Японии¹¹.

Высокие темпы приловов повлекли истощение наиболее рентабельных объектов рыболовства. Запасы минтая уменьшились наполовину, практически невосполнимый урон был нанесен популяциям камчатского и ряда других видов краба, природный цикл воспроизводства которых составляет 8–10 лет. Существенно подорваны ресурсы лососевых видов рыбы, трески, морского ежа и других беспозвоночных. 1988 г. дал последнюю высокую отметку в развитии дальневосточной рыбной промышленности, далее начался повсеместный спад.

Последствия топливно-экономического кризиса конца 1970-х гг., переход на самофинансирование во второй половине 1980-х гг. привели к крайне тяжелой ситуации. Парадигма развития дальневосточного региона основывалась на идее, когда необходи-

мые ресурсы (капитальные вложения, материально-технические фонды, денежные средства) поставлялись централизованно. К концу 1980-х гг. в СССР уже не существовало реальных источников наращивания объемов инвестиций, и уже в 1989 г. регион был ограничен в капиталовложениях¹². Ситуация вышла из-под контроля, и обнаружился беспрецедентный кризис. Экономика оказалась на грани краха, инфляция стремительно нарастала. В преддверии обещания правительством РФ радикальной реформы хозяйственная жизнь страны оказалась в состоянии паралича. Ожидания чуда «от рывка в рынок» не оправдались¹³.

Суда, поступившие в эксплуатацию в 1960–1970 гг., требовали замены. Высокий процент изношенности флота отмечался еще в декабре 1986 г. на профсоюзной конференции работников морского и речного флота, где говорилось о значительном превышении эксплуатационных сроков судов и о полном отсутствии запчастей для ремонта двигателей¹⁴. В 1990 г. дальневосточный флот уже недоиспользовал 21% своей мощности, а в 1991 г. — 41%. При этом степень износа основных фондов рыбной отрасли региона к 1991 г. составляла 50,9%¹⁵. Резкое повышение цен на энергоносители и другие материально-технические ресурсы, постоянный рост транспортных тарифов, неоправданно жесткая налоговая, кредитная и таможенная политика, отсутствие доступной государственной поддержки — все это повлекло к спаду в рыбопромышленном производстве. Если СССР в мировой иерархии добычи морепродуктов занимал в 1988 г. третье место, то РФ с 1991 г. сместилась на восьмое. Общий объем улова рыбы и добычи других морепродуктов сократился вдвое.

Ликвидация КГБ Законом СССР от 3 декабря 1991 г. привела к череде реорганизаций. В 1991 г. был создан самостоятельный Комитет по охране границы СССР, в июне 1992 г. пограничные войска включили в состав нового Министерства безопасности, а с декабря 1993 г. была создана самостоятельная Федеральная пограничная служба — Главное командование погранвойск, реформированная в декабре 1994 г. в самостоятельную Федеральную пограничную службу Российской Федерации. 2 марта 1995 г. утверждено Положение о ФПС РФ, которое рассматривало ее как федеральный орган исполнительной власти, обеспечивающий реализацию пограничной политики России, в т.ч. и в сфере охраны континентального шельфа и исключительной экономической зоны¹⁶.

На фоне тяжелой экономической ситуации в стране для многих государственных правоохранительных органов, в т.ч. и пограничной службы, возникли существенные проблемы финансирования. В 1994 г. потребности ФПС были удовлетворены на 75%, в 1995 г. — на 50%, в 1996–1997 гг. — на 37%. В этот период морские соединения погранвойск не могли в полном объеме и на должном уровне выполнять поставленные перед ними задачи. Коэффициент использования корабельного состава в службе по охране границы и исключительной экономической зоне резко снизился. Большая часть пограничных кораблей и судов простаивала у причалов. В 1998 г. по причине отсутствия топлива и запчастей из примерно тысячи кораблей и катеров на патрулирование подконтрольных территорий выходило 27–30. В Камчатском морском соединении, к примеру, в 1999 г. имелось только 3 корабля, технически готовых к несению службы¹⁷.

В первые постсоветские годы произошел значительный отток офицеров и мичманов из морских соединений и управлений погранвойск. Причинами этому были частые реорганизации, как и неоднозначное отношение части офицеров к демократизации общества и переводу экономики страны на рыночные отношения, появление нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, обнищание, не позволяющее обеспечить нормальное существование семей. Многие офицеры увольнялись и уходили в коммерческие структуры, где были востребованы их знания и опыт, да и платили больше. Немалую роль сыграли развернутая СМИ компания по дискредитации КГБ и падение престижа погранслужбы. Некомплект офицерско-мичманского состава в некоторых соединениях

доходил до того, что службу в море несла «сборная команда», переходившая при смене кораблей с одного на другой.

На этом фоне активизировалась деятельность рыболовных судов Японии, Польши, Китая, Южной Кореи, КНДР, Вьетнама и Тайваня по проникновению в экономзону России. Широкий размах приняло браконьерство на южно-курильском направлении. В 1992 г. здесь было зафиксировано 6,700 случаев незаконного промысла, а в 1993 г. количество нарушений приблизилось к 8 тыс.¹⁸ По данным Главного контрольного управления Президента РФ размер неучтенного экспорта рыбы, незаконно добытой в российских водах и вывезенной за рубеж, оценен в 2,5 млрд долл. Наряду с иностранными компаниями и фирмами незаконным промыслом стали активно заниматься и российские рыбаки. Со стороны образовавшихся новых фирм и акционерных предприятий стали отмечаться массовые нарушения по квотам вылова и экспорта рыбопродукции. Законодательство России в должной мере не скорректировало систему контроля и меры ответственности в сложившихся условиях. Лозунг «разрешено все, что не запрещено законом» открыл широкую дорогу для злоупотреблений со стороны отдельных российских фирм и предприятий с привлечением иностранных юридических и физических лиц¹⁹.

Дошло до того, что правительство Японии начало принимать меры по наведению порядка в этой сфере. В 1993 г. Япония создала систему наблюдения за рыболовством в Южно-Курильском районе, включавшей 6 радиолокационных станций в Раусу, Си-бэцу, Бэцукай, Ноцукэ, Носапу и Отииси. Она способна обнаруживать суда водоизмещением до 5 т на расстоянии до 25 км на 400-километровом участке от мыса Сиррэтоку до мыса Отииси. Арестовав уже в 1993 г. первых двух нарушителей, японские государственные органы, признав проблему браконьерства, наметили свои пути ее решения²⁰.

В 1994–1996 гг. количество правонарушений в сфере рыбного промысла увеличилось втрое — до 150 тыс. в год, объем конфискованной продукции возрос в 16 раз. Проводимые государством мероприятия не в полной мере решали проблему согласованных действий всех участников процесса реализации пограничной политики. Полномочия и направления деятельности взаимодействующих министерств и ведомств не всегда отвечали интересам друг друга в сфере обеспечения пограничной безопасности. Наглядный пример такой несогласованности: попытка разграничения пределов ведения в сфере охраны морских биоресурсов²¹.

Учитывая, что пограничники являлись серьезным препятствием для браконьеров и обладали необходимыми для выполнения таких функций кораблями, авиацией, базами, подготовленным и дисциплинированным личным составом, Указом Президента России от 29 августа 1997 г. на ФПС была возложена охрана ресурсов территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации. Для этого была создана Морская охрана (МОХР), прообразом которой должна была послужить береговая охрана США. С 1998 г. в состав МОХР были переданы отделения охраны биоресурсов из Министерства сельского хозяйства, позже реформированные в региональные инспекции, а затем — в государственные морские инспекции.

Во второй половине 1990-х гг. была обновлена нормативно-правовая база охраны биоресурсов. Эти документы не содержали принципиально новых положений, поскольку, как и предыдущие, основывались на Конвенции по морскому праву 1982 г., однако отражали новые сложившиеся реалии. В 1999 г. была установлена система морских контрольных пунктов (точек), через которые должны проходить все промысловые суда, следующие на промысел в исключительную экономическую зону и выходящие из ее пределов по окончании промысла. На Тихом океане было установлено 15 таких пунктов.

В результате решительного противодействия браконьерскому промыслу со стороны пограничников к 2000 г. наметилась тенденция положительных сдвигов. Это стало возможным в результате применения оружия кораблями и пограничными самолетами по судам-нарушителям, в т.ч. и на поражение. Пограничники стали ежегодно

задерживать около 50 судов, привлекая их капитанов к административной и уголовной ответственности.

В мае 2003 г. Указом Президента России ФПС была упразднена, пограничные органы и войска были переданы в ФСБ России. С июля 2004 г. морская охрана была реорганизована в Береговую охрану, основной задачей которой, по-прежнему, осталась охрана экономических интересов страны на море. По результатам 2003 г. за нарушение правил добычи биоресурсов задержано 460 промысловых судов, из которых 5 конфисковано, изъято более 5 тыс. т добытой морепродукции. Сумма штрафов, взысканных за ведение незаконного промысла, составила 160,9 млн руб. и 165,7 тыс. долл.²²

С 2003 г. в Дальневосточном бассейне, в котором вылавливалось 99% лососевых, 100% крабов, свыше 90% камбаловых, около 60% моллюсков и 90% водорослей от общероссийского улова, промысел стабилизировался и рекомендуемый ежегодный вылов стал составлять 3431,6 тыс. т. При этом из 2000 видов различных видов гидробионтов российские рыбаки, в отличие от японских, корейских и китайских, использовали всего несколько десятков, недоиспользуя значительные объекты рыбного промысла, такие как ставрида, скумбрия, криль, сайра²³.

В последние годы приемы браконьерства и незаконного экспорта добытой морепродукции стали разнообразнее. В связи с этим постоянно совершенствуются и меры борьбы с этими массовыми явлениями. Браконьерство в запрещенных районах, промысел запрещенными активными орудиями лова, сокрытие истинных уловов в радиоотчетах и промысловых журналах, вывод из строя датчиков ведомственной системы автоматического контроля, нелегальная миграция между территориальными водами России, исключительной экономической зоной и иностранными портами, неучтенные перегрузы уловов в море на российские и иностранные транспорты, многообразные квалифицированные формы подделки промысловых документов, коносаментов, печатей таможенных и пограничных служб, уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов, увод судов под «чужой флаг», подкуп должностных лиц — основные способы нарушения российских законов, регламентирующих вылов морепродуктов²⁴.

Борьба с браконьерством является приоритетным направлением в работе береговой охраны ФСБ России, совершенствующей формы и методы силовых воздействий на нарушителей. Учитывая эффективность применения корабельных вертолетов, их все чаще стали использовать для освещения обстановки и высадки осмотровых групп на суданарушители. В 2008 г. в Пограничном управлении ФСБ России по Приморскому краю введены в строй вертолетные комплексы на патрульных судах «Шкипер Гек», «Маньчжур» и «Херлуф Бидstrup». Увеличилось число контрольно-проверочных мероприятий, проведенных инспекторами Государственной морской инспекции: 3800 в 2009 г. против 1800 в 2007 г. И, как следствие, вдвое увеличилось количество выявленных нарушений природоохранного законодательства. За неполный год силами береговой охраны задержано за различные правонарушения 9 промысловых судов, 7 из которых — иностранные. Общая сумма наложенных на нарушителей штрафов превысила 13 млн руб.

Значительная активизация применения сил и средств Пограничной службы, открытое силовое воздействие по отношению к браконьерам привели к существенному сокращению объемов незаконного вывоза морепродукции за пределы России, однако коренным образом переломить ситуацию пока не удастся. Практика показала, что одними силовыми действиями без формирования правовой базы отношений в рыбной отрасли преодолеть ситуацию невозможно. Несмотря на постоянное совершенствование законодательства, главные недоработки остаются неискоренными. В их числе следующие.

1. Крайне низки санкции, накладываемые на нарушителей. Они должны быть на уровне тех, что накладываются в США, а именно, приводить к разорению фирмы, даже если нарушение совершило одно из судов. Минимальный штраф должен быть эквивалентен 1 млн долл. США.

2. Изжило себя положение, когда наказанию подвергается только капитан судна. На борту каждый, вплоть до буфетчицы, знает, что идут «браконьерить», и знает, какой ущерб будет нанесен государству. Поэтому целесообразно, чтобы ответственность распространялась на весь экипаж.

3. Необходимо учитывать и «вспомогательные» положения» Уголовного кодекса Российской Федерации, такие как, например, ст. 227 УК РФ «Пиратство». «Плавание без флага, названия судна или с подложными документами, либо с документами, по которым нельзя определить хозяина судна» — все это также должно приравняться к пиратству, поскольку в таковое состояние приводятся вполне, поначалу, законопослушные суда, либо уже похищенные (захваченные) с целью последующего использования для реализации разнообразных криминальных умыслов.

4. Назрела и необходимость, делая упор на экономические рычаги, принять меры по переводу основных рынков (аукционов) рыбопродукции, добываемой в российской дальневосточной экономзоне, с японской территории на территорию прибрежных российских регионов.

Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 г., одобренная распоряжением Правительства России от 2 сентября 2003 г., предполагает совершенствование системы государственного контроля, надзора и охраны морских биологических ресурсов и среды их обитания, усиление ответственности в целях предотвращения и пресечения браконьерства, нелегального производства рыбной продукции и вывоза этой продукции за рубеж, нарушений правил рыболовства. Она предусматривает и создание мер по развитию российского рыбохозяйственного комплекса, стимулированию рыбопромыслового флота²⁵. На деле, окончание первого этапа реализации Концепции рассчитано до 2012 г., а фактически, принимаемые на федеральном уровне и в регионах меры носят, по большей части, половинчатый и декларативный характер, не подкрепляются адекватной финансовой и законодательной базой, механизмом их реализации.

Слабую эффективность принимаемых мер наглядно демонстрируют бюджетные показатели деятельности рыбопромышленного комплекса Сахалинской области в соответствии с соответствующими показателями японского порта Момбецу, оперирующего на начальных этапах реализации и переработки добываемой в российской экономической зоне, рыбопродукции.

Чистая прибыль рыбопромышленников порта Момбецу, согласно официальным отчетам, только на крабе, добываемом в российской экономзоне, составляет 15 млрд японских иен. Ежегодно в качестве налогов перечисляются суммы, аналогичные 24–28 млн долл. А консолидированный бюджет Сахалинской области и суммы налоговых отчислений в федеральный бюджет от 580 предприятий рыбной отрасли составляют около 720 млн руб. (29 млн долл. США). Примерное равенство поступлений в казну от рыбопромышленников только одного порта Хоккайдо и рыбопромышленного комплекса всей Сахалинской области (удельный вес которой в освоении водных биологических ресурсов Дальнего Востока составляет 21,8%) свидетельствует, что российская рыбопромышленная отрасль и российские морские ресурсы фактически ориентированы на обеспечение экономических выгод и продовольственной безопасности Японии, Южной Кореи и других стран АТР и лишь в последнюю очередь — России.

Много нерешенных вопросов в рамках правового поля остается и в деятельности государственной морской инспекции Пограничной службы. Ряд ведомств постоянно, с момента передачи функций охраны морских биологических ресурсов пограничникам в 1997 г., предпринимает попытки взять под контроль эту сферу деятельности. Дело в том, что в настоящее время нет таких организаций, которые имеют соответствующие силы и средства и были бы способны выполнять функцию охраны морских ресурсов. Федеральное агентство по рыболовству, правопреемник органов рыбоохраны Минрыбхоза, ранее

занимавшихся охраной биоресурсов, не имеет, да и не имело достаточного количества специалистов и судов. Опыт показал, что, в лучшем по всем показателям 1988 г. к охране экономзоны органами всех дальневосточных управлений рыбоохраны Минрыбхоза привлекалось 7 судов рыбоохраны и 28 судов производственного объединения «Дальрыба». Причем на патрулировании постоянно находилось не более 12 судов²⁶.

Анализ законодательно-нормативной базы позволяет сделать вывод, что Федеральное агентство по рыболовству функционирует, в первую очередь, как оператор по извлечению прямых валютных поступлений от продажи морских биологических ресурсов, затем, как один из малоэффективных элементов охраны этих ресурсов и уже в последнюю очередь — как ответственный организатор рыбопромышленного комплекса страны, обязанный обеспечить экономическую и продовольственную безопасность России в современных экономических и геополитических реалиях. Уже давно назрела необходимость проведения проверки обоснованности многих решений по предоставлению права продажи рыбных ресурсов иностранным компаниям, принятым по ходатайству Госкомрыболовства администрациями регионов. Ими, кроме всего прочего, нарушается положение п. 3 ст. 9 Закона «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ, которая гласит: «Иностранные заявители могут использовать живые ресурсы в научных, промысловых и других целях после удовлетворения всех заявок российских заявителей при условии, что российские заявители не имеют возможности выловить весь допустимый улов заявленных видов живых ресурсов в конкретных промысловых районах...»²⁷.

А тем временем российские рыбаки, не имея современного оборудования и технологий, не способны обеспечить морепродуктами население России. Тем более, не в состоянии выступать в качестве равноправного партнера на Азиатско-Тихоокеанском рынке, где наши экспортные возможности сводятся лишь к поставкам сырья и мороженных полуфабрикатов по соответствующим ценам. Нынешнее состояние рыбохозяйственной отрасли, многочисленные противозаконные ухищрения российских рыбаков спровоцированы, по большей части, еще и тем, что в отечественных портах их ожидают не только высокие налоговые сборы, административный пресс многочисленных контролирующих служб, но также и сомнительные штрафы, таможенные и портовые сборы (к примеру, за остатки топлива, питьевой воды и т.п.), чрезмерно высокие цены за снабжение, профилактические, осмотровые и ремонтные работы. Вытесняемые таким образом в иностранные порты и под «чужие флаги», российские рыболюбцев суда увозят туда же потенциально сопутствующую прибыль отечественных судоремонтников, снабженцев, рыбопереработчиков, а также рядовых оптово-розничных торговцев.

-
1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р—266. Оп. 1. Д. 700. Л. 120–125.
 2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 117. Д. 1133. Л. 3.
 3. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 16. Д. 315. Л. 196–198.
 4. Собрание постановлений правительства СССР. 1977. № 11. Ст. 68.
 5. *Мошков Ф.А.* Морпогранохрана России: от Петра I до наших дней: Кр. истор. очерк. М., 2005. Вып. 2. С. 276.
 6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8202. Оп. 23. Д. 419. Л. 13–20.
 7. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1342. Л. 18–19.
 8. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 22. Д. 965. Л. 36–37.
 9. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1320. Л. 3–5.
 10. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 841. Л. 8–9.
 11. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 102. Д. 180. Л. 45–46.
 12. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 461. Л. 56.
 13. *Ишаев В.И.* Стратегическое планирование регионального экономического развития. — Владивосток, 1998. С. 37.

14. ГАХК. Ф. Р-801. Оп. 2. Д. 600. Л. 33.
15. ГАПК. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 719. Л. 34.
16. *Мошков Ф.А.* Указ. соч. С. 316–320.
17. Там же. С. 322–323.
18. *Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н.* Пограничный надзор на море: Истор. документ. очерк. М., 2006. С. 196–198.
19. *Тварковский Л.С., Минервин И.Г.* Охрана живых ресурсов российского Дальнего Востока (вторая половина XIX—XX в.). Н. Новгород, 2003. С. 106–107.
20. *Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н.* Указ. соч. С. 202–203.
21. *Кравчук С.А.* Формирование пограничной политики России в Дальневосточном регионе (90-е годы XX века). Хабаровск, 2007. С. 24.
22. *Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н.* Указ. соч. С. 232–234.
23. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 264. Оп. 1. Д. 5324. Л. 1.
24. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1342. Л. 18–19.
25. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 36. Ст. 355.
26. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1241. Л. 5–6.
27. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6273.